

С.В. СЕЛИВЕРСТОВ

ОБЩЕСТВЕННАЯ МЫСЛЬ КАК ПРЕДМЕТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ перспективы изучения раннеевразийской тенденции второй половины XIX – начала XX века

Статья посвящена соотношению интеллектуальной истории и истории общественной мысли как областей исследования (в ситуации тренда на контекстуализацию и познание проблемных «длинных линий»). Рассмотрено состояние изученности истоков евразийской интеллектуальной тенденции (через проблематику идентичности и своеобразия исторического российского и сопредельного пространства) в отечественной общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. Поставлен и обоснован вопрос о необходимости исследования проблемы становления и развития раннеевразийской интеллектуальной тенденции, взятой в трех параллельных контекстах – славянском, туранском, сибирском.

Ключевые слова: интеллектуальная история, Запад, Россия, Восток, европеизация, азиатское пространство, раннеевразийская тенденция, идентичность, интеллектуальный контекст

Заметным явлением отечественной исторической науки последних десятилетий стало конституирование такой области исследований как интеллектуальная история. В историографическом и институциональном ракурсе концептуальное введение данного направления в современную науку произошло, как известно, в конце 1990-х гг. в результате усилий Института всеобщей истории РАН и, в частности, Центра интеллектуальной истории, возглавляемого Л.П. Репиной. С тех пор место интеллектуальной истории в спектре исторических исследований занято достаточно прочно. Подтверждением стало в том числе включение области «интеллектуальная история» в паспорта научных специальностей «Всеобщая история» и «Отечественная история». Однако известно и другое: отечественная наука имеет немалые традиции в изучении смежной области – истории общественной мысли. Как замечает Л.П. Репина: хотя понятие интеллектуальной истории до конца 1990-х гг. не употреблялось, «в отечественной историографии очень развито было направление истории мысли»¹. Примечательно, что в паспорте специальности «Всеобщая история» обе области («интеллектуальная история» и «история общественной мысли») непосредственно соседствуют в одном пункте, а в паспорте специальности «Отечественная история» они разделены, находятся в различных областях исследования. И данное обстоятельство, полагаем, актуализируют вопрос о концептуальном и прагматичном соотношении интеллектуальной истории и истории общественной мысли как областей изучения.

¹ Репина. Русская историческая школа...

Общественная мысль есть общественно-значимое «интеллектуальное явление духовной культуры»² и, добавим, представляющее собой содержательную, связующую «ткань» пространства интеллектуальной истории. В последние годы инструментарий интеллектуальной истории стал шире использоваться при изучении отечественной общественной мысли. Показательна в этом плане работа О.Б. Леонтьевой «Интеллектуальная история России XIX – начала XX в.», в которой с новых позиций показана широкая панорама истории отечественной общественной мысли³. В статьях Д.В. Тимофеева история общественной мысли России выступает проблемно-тематическим предметом исследования, при изучении которого используются различные элементы методологии «истории понятий»⁴. И хотя автор не применяет термин «интеллектуальная история», но, тем не менее, история понятий объективно входит в широкий контекст практик интеллектуальной истории. При этом, особенность диссертационной ситуации 1990–2010-х гг. в том, что, несмотря на появление «новых предметных полей», работы собственно по интеллектуальной истории, как отмечает О.В. Воробьева, составляют «лишь небольшой процент от общего числа диссертаций», и, напротив, имеется «очень много исследований», где «в рамках прежних историко-социологических схем, или под новыми вывесками встречаются привычные заявления, основанные на материалистической концепции социальной тотальности»⁵. Особенно в дефиците исследования (в области интеллектуальной истории) по специальности «Отечественная история».

Историографическая реальность такова, что в обобщающей статье, открывающей новейший 4-томник по истории общественной мысли России (завершивший, в свою очередь, известный многотомный проект), отечественные научные наработки в сфере интеллектуальной истории не акцентируются⁶, при том, что точки пересечения имеются. Общественная мысль понимается в коллективном труде в широком смысле, включая массовое, обыденное сознание⁷, с учетом фактора «национальной почвы»⁸, что свидетельствует о связи с интеллектуальным субстратом социума. Для осмысления феномена общественной мысли применяются также понятия: интеллектуальный трансфер⁹, интеллектуальное пространство / процесс / среда / ландшафт, интеллектуальные направления / сообщества / элиты¹⁰. Кроме того, переход авторов труда от направленного к проблемно-ориентированному структурированию предмета исследования существенно сближает подходы истории обще-

² Опёнкин 2020: 6–50.

³ Леонтьева 2012.

⁴ Тимофеев 2015; Тимофеев 2018.

⁵ Воробьева 2019: 234–235.

⁶ Опёнкин 2020.

⁷ Данилевский 2020: 52.

⁸ Опёнкин 2020: 49.

⁹ Каменский 2020: 11.

¹⁰ Шелохаев 2020: 6–10.

ственной мысли с интеллектуальной историей, в рамках которой аналогичный поворот происходит уже с начала 2000-х гг.

Все это свидетельствует о том, что связь между историей общественной мысли и интеллектуальной историей естественна и может быть весьма перспективной. Однако практика такова, что инструментарий интеллектуальной истории, развиваемый Центром интеллектуальной истории (с привлечением коллег из других научных центров), применяется преимущественно при разработке сюжетов всеобщей, мировой истории, нежели истории общественной мысли России. И наоборот, практика, выработанная при изучении общественной мысли, более тесно связана с отечественной историей. Данное расхождение не плодотворно, так как ограничивает возможности исследователей, а потому, полагаем, следует (в интересах углубления познания отечественной и зарубежной интеллектуальной истории) сближать, соединять, взаимообогащать концептуальные наработки и практики двух научных областей – всеобщей истории и российской истории.

Яркой чертой эволюции интеллектуальной истории в России в течение 2000-х гг. стало переосмысление ее классических оснований, которое, как подчеркнула Л.П. Репина, вело «к существенному расширению проблемного поля» и исследовательского вопросника (как и почему те или иные идеи в чередо конкретно-исторических контекстов возникали, менялись, распространялись, воздействовали, взаимодействовали и т.д.). В результате, «постоянно расширяющийся круг вопросов стягивает в неразрывный узел “внешние” и “внутренние” аспекты интеллектуальной истории»¹¹. Но, вот что характерно – данная тенденция присуща и сфере истории общественной мысли. Именно на «расширение проблемного поля» указал В.В. Шелохаев во введении к коллективному труду по изучению отечественной общественной мысли XIX – начала XX в.¹²

В первую очередь, как известно, расширение проблемного поля интеллектуальной истории происходило за счет включения в предмет исследования проблематики различных дискурсов и структур, отношений и контекстов. В западной историографии рубежа веков произошла своего рода «всеобщая контекстуализация»¹³. Однако следует иметь в виду, что учет исторических обстоятельств и контекстов был шагом вперед только для чистой истории идей, либо для радикального лингвистического постмодернизма. В рамках же отечественной исторической науки контекстуальность, как практический фактор, по сути, никогда не упускалась. Само понятие «общественная мысль», не исчезавшее из отечественного научного пространства, свидетельствует об осознанной и акцентуруемой социально-значимой контекстности данного предмета.

Контекстный подход проявлялся в отечественной науке многообразно. Например, еще полтора столетия назад, в конце 1860-х – начале

¹¹ Репина 2008: 10–11.

¹² Шелохаев 2020: 7.

¹³ Репина 2008: 6.

1870-х гг. В.И. Герье защитил и издал докторскую диссертацию о Лейбнице, которую озаглавил «Лейбниц и его век»¹⁴. Эта работа, где фигура и труды Лейбница рассмотрены на европейском и российском историко-культурном и политическом фоне, яркое проявление контекстуального подхода (при изучении интеллектуальной истории). Однако данная особенность труда В.И. Герье не привлекла внимания исследователей. Впоследствии, в XX в. книги по типу «кимярек и его время» стали одной из традиций отечественной научной культуры. С данной практикой перекликается и название современного альманаха интеллектуальной истории – «Диалог со временем» – ориентирующее не на описание идей самих по себе, а на историко-темпоральную контекстуальность.

Однако потенциал контекстности имеет свои пределы, так как контекст не может, разумеется, для исследователя заместить собой текст. Если представить, что определенный текст полностью утрачен, то только по контексту эпохи восстановить содержание утраченного проблематично. Напротив, реконструкция контекста с учетом сохранившегося текста не представляет сложностей. Не случайно, Л.П. Репина подчеркивает, что «первейшая задача интеллектуального историка – понять исторический текст». Для решения подобных задач и привлекаются контекстные сведения, которые варьируются в широком диапазоне «между полюсами личностного и глобального»¹⁵, а также духовного и материального. Следовательно, и ракурсы контекстно-ориентированного исследования могут быть различны.

В этой связи отметим значимость (для понимания содержания интеллектуальной истории) собственно интеллектуального контекста. Как отмечает Дж. Ливайн, «помещение мысли в контекст времени и установление связей с тем, что было до нее, и что пришло после» есть задача не только интеллектуальной истории, но и «истории вообще»¹⁶. Однако для конкретного сюжета истории мысли – то, что было «до нее» и «пришло позже» – это и есть интеллектуальный контекст. По утверждению Л.П. Репиной, интеллектуальная история «включила в свое исследовательское пространство изучение не только рождения идей, но и их распространения (как в синхронном, так и в диахронном измерении)». С другой стороны, продолжает историк, изучение персоналий ведет исследователя к сопоставлению результатов их (персон) деятельности «в разных интеллектуальных контекстах» – предшествующих, современных, последующих. Наконец, когда предметом исследования становится интеллектуальная традиция, «на первый план выходит проблема глубины исторической ретроспективы», «определения границ находящегося в процессе становления направления» и позитивного «восприятия предшественников»¹⁷. Или: «Концепции интеллектуалов обычно рассматри-

¹⁴ См.: Герье 2008.

¹⁵ Репина 2006: 18.

¹⁶ Ливайн 2005: 51.

¹⁷ Репина 2008: 10.

ваются в трех контекстах: как на них повлияли идеи предшественников; какое влияние они сами оказали на взгляды окружающих; какова роль их идейного наследия для потомков»¹⁸. И в этом плане общественная мысль (если рассматривать ее в пространстве исторической науки, а не философии) всегда контекстна: во-первых, по отношению к эпохе, ее общей культуре и социально-корпоративным структурам, во-вторых, по отношению к иным общественным идеям – как близким, так и тем, с которыми идет явная или имманентная полемика. И, в-третьих, по отношению к предшествующим и последующим «родственным» дискурсам.

Авторами издания «Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX в.» проделана большая работа по осмыслению крупной и сквозной «инвариантной» проблематики, среди которой такие фундаментальные темы как государство, общество, собственность, личность. Однако исследовательские возможности проблемно-ориентированного подхода не исчерпаны. Нуждается в продолжении и углублении исследований проблема историко-культурного своеобразия и идентичности большого российского исторического пространства – как пространства европейско-азиатского, западно-восточного.

В 3 томе проекта, посвященном общественной мысли России второй четверти XIX – начала XX в., данная тематика рассматривается, но в силу масштабности самой задачи – далеко не полностью. Авторское внимание в проблематике идентичности сосредоточено на аспекте Россия и Запад, Россия и Европа, тогда как аспект – Россия и Азия, Россия и Восток (применительно к воззрениям деятелей той эпохи) находится в тени и затронут весьма фрагментарно¹⁹. Однако для объемного, адекватного понимания проблемы историко-культурного своеобразия и идентичности (а тем самым и позиционирования), эволюционировавшей в отечественной общественной мысли второй половины XIX – начала XX в., необходима ее (мысли) разносторонняя, сбалансированная реконструкция. Следует обратить больше внимания на те интенции общественной мысли, которые выходили за пределы односторонне проевропейского дискурса, стремились к более взвешенному пониманию роли и места России в мире. При таком сбалансированном подходе, полагаем, и произойдет то ожидаемое «расширение проблемного поля», на которое указывают методологи как интеллектуальной истории, так и истории общественной мысли.

В качестве предмета интеллектуальной истории (в плане соотношения текста и контекста, пространства и времени) могут выступать, различные компоненты: персоналии и направления, школы и сообщества, «короткие» и «длинные» линии, традиции и новации, проблемы и тенденции. Представляется, что локальные исследования в области интеллектуальной истории, поставляющие «строительный» материал для

¹⁸ Репина 2013: 8.

¹⁹ Антоненко 2020: 39–94.

обобщений, не иссякнут. Однако для понимания хода интеллектуальной истории более значимы те исследования, которые сконцентрированы на выявлении общих, протяженных и объемных проблем. Имеем в виду предметы, которые могут быть обозначены понятием «интеллектуальная тенденция» (в мировой историографии при анализе как западной мысли, так и восточной используется также синонимичная формула «интеллектуальный тренд»²⁰). В изучении отечественной общественной мысли, подчеркивает Л.А. Опёнкин, необходим переход на новый уровень – уровень «выявления тенденций», реконструкции «длинных линий»²¹. Следовательно, имеется актуальная потребность в изучении не только и не столько локальных, идейно и темпорально ограниченных явлений, но именно интеллектуальных тенденций – разносторонних и многокомпонентных, складывающихся (в контексте меняющейся эпохи) из вариативных мыслительных элементов.

Одной из значимых «длинных линий» отечественной интеллектуальной истории (наряду со славянофильством, западничеством, почвенничеством, областничеством, народничеством) является евразийство. Евразийская тенденция общественной мысли, в классическом варианте существовавшая в 1920–1930-е гг., стала в последние десятилетия предметом академического изучения и, при том, как трансформированное и злободневное мыслительное явление, пережила определенный ренессанс. Однако любой крупный интеллектуальный процесс, имеет, как правило, не только классическую и позднейшую пост-стадию, но и свои истоки, ранний этап. Как подчеркнул в свое время Н.В. Рязановский, американский исследователь русского происхождения, специализировавшийся в области интеллектуальной истории: «Крайне интересен вопрос о происхождении или возникновении евразийства», и, хотя аналогичные вопросы «всегда сложны», но относительно евразийства поиск ответа представляет «особую трудность». Чтобы найти решение данного вопроса, по его представлению, необходимо наряду с событийными обстоятельствами рассмотреть влияние интеллектуального фактора, т.е. «развитие мысли как в России, так и вообще в Европе»²².

Надо заметить, что вопрос о причинах и истоках евразийского течения, выглядевшего на фоне традиционных, устоявшихся российских направлений общественной мысли весьма новационно, возник в русской эмиграции одновременно с самим евразийством – уже в начале 1920-х гг., о чем высказывались и сторонники, и противники евразийства²³. Но в 1920-х гг., в обстановке острой внутриэмигрантской борьбы данный вопрос не был и не мог быть закрыт. Если сфокусировать точки зрения, то вопрос в том, было ли евразийство исторически логичным, закономерным явлением отечественной интеллектуальной ис-

²⁰ Raaflaub 2002; Chang Woei Ong 2017.

²¹ Опёнкин 2020: 20, 48.

²² Riasanovsky 1967: 54–55.

²³ Селиверстов 2009: 91–102.

тории, либо ситуативным интеллектуальным зигзагом, обусловленным особыми обстоятельствами постреволюционного времени? Как отмечается в новейшем 4 томе «Общественной мысли», посвященном русскому зарубежью, концепция евразийцев «имела свои истоки в дореволюционной мысли, т.е. являлась частью интеллектуальной традиции русской мысли». В частности, кратко указано на Н.Я. Данилевского (теория культурно-исторических типов) и К.Н. Леонтьева (периодичность развития цивилизации), на Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, которые дали «дополнительные аргументы» сторонникам – как всемирности России, так и своеобразия²⁴.

С тезисом, что евразийство было частью дореволюционной «интеллектуальной традиции русской мысли», нельзя не согласиться. Более того, он нуждается, полагаем, во всестороннем обосновании и раскрытии. Но что по этому поводу сказано в предшествующем – 3 томе проекта, раскрывающем собственно тенденции общественной мысли второй четверти XIX – начала XX в.? Следует признать, что этот аспект (истоки евразийства в дореволюционной русской мысли) там не рассматривается. Да, в 3 томе (С.Г. Антоненко), как выше было показано, констатируется фундаментальная проблема российской идентичности – восприятие страны между Западом и Востоком (как в реальном, так и преимущественно в метафорическом смысле). Однако в проблематике западно-восточной идентичности абсолютно приоритетное внимание уделяется западному аспекту – Россия и Европа. Что касается более объемного ракурса: Европа – Россия – Азия (Запад – Россия – Восток), то он на материале общественной мысли второй половины XIX – начала XX в. не освещается. Примечательно, что о Н.Я. Данилевском, К.Н. Леонтьеве утверждается как о «независимых мыслителях», но фактор Востока (в т.ч. российского) в их концепциях даже не затрагивается²⁵.

Однако, аккуратности ради, следует заметить, что в данном разделе коллективного труда и не утверждается о разрешении проблемы российской историко-культурной идентичности (через призму общественной мысли второй половины XIX – начала XX в.). Более того, отмечается, что проблема идентичности остается «в том числе и нерешенной», требующей постоянного переосмысления²⁶. И этот реалистичный тезис ориентирует на продолжение изучения общественной мысли соответствующего периода.

Полноценная реконструкция историко-культурного своеобразия и позиционирования России (в понимании интеллектуалов второй половины XIX – начала XX в.) предполагает раскрытие и европейских, и восточных, азиатских аспектов. Только так у современных исследователей появится возможность, полагаем, выявить связи до- и постреволюционной общественной мысли, в частности, – протянуть нить («длинную

²⁴ Березовая 2020: 352.

²⁵ Антоненко 2020: 83–86.

²⁶ Антоненко 2020: 44.

линию») от проевразийских идей второй половины XIX – начала XX в. (на которые указывается в 4 томе «Общественной мысли») к эмигрантской общественной мысли 1920-х гг. Например, отмечается (Л.Г. Березовая), что ключевым концептуальным положением евразийства был «своего рода полицентризм», ставший аргументом для обоснования «цивилизационной самостоятельности» России²⁷. Однако данный подход был изначально разработан, как известно, не в контексте классического евразийства, а во второй половине XIX века – Н.Я. Данилевским и В.И. Ламанским, что еще раз свидетельствует о необходимости изучения раннего этапа евразийской интеллектуальной тенденции.

Что касается диссертаций по различным аспектам классического евразийства 1920–1930-х гг. – историческим, философским, культурологическим, политологическим, – то в них сюжеты об истоках, предшественниках, генезисе евразийства освещаются ретроспективно, во вводных параграфах²⁸. Но концептуально и методологически такой вводный ретроспективный подход к раннеевразийской проблематике ведет к поверхностности и повторяемости. Задача всестороннего раскрытия процесса становления евразийской интеллектуальной тенденции в связи с контекстом эпохи второй половины XIX – начала XX в. требует анализа раннеевразийских / проевразийских явлений в качестве основного, а не прикладного предмета исследования. И основания для таких консолидированных штудий открывает интеллектуальная история России – важный сегмент отечественной и мировой истории.

Итак, полноценное раскрытие евразийской «длинной линии», особенно ее раннего этапа, остается в начале 2020-х гг. актуальной исследовательской задачей, предполагающей продолжение и углубление изучения интеллектуальной истории второй половины XIX – начала XX в. В общем потоке общественной мысли раннеевразийская тенденция является существенным содержательным компонентом, пронизывающим и связывающим дореволюционную и послереволюционную отечественную историю.

И здесь мы вновь выходим к фактору интеллектуального контекста, без которого невозможно понимание эволюции общественной мысли. Как отмечает Л.П. Репина, в современном анализе интеллектуальной истории имеет место переход от локальных идей «к более широким социокультурным контекстам, в которых эти идеи функционировали, воспроизводились, интерпретировались и модифицировались». При этом сохраняется интерес «к предпосылкам», которые «задавали импульс для изменений и инноваций»²⁹. Кроме того, современный взгляд на интеллектуальную историю акцентирует ее коммуникативную природу, включая обмен и обращение элементов интеллектуальной культуры³⁰.

²⁷ *Общественная мысль... 2020*: 136, 353.

²⁸ См.: Горяев 2003; Романова 2007; Никитенко 2011; Ибраев 2016.

²⁹ Репина 2013: 15.

³⁰ Репина 2013: 8.

Подобные общеметодологические суждения применимы к процессу становления ранней (доклассической) евразийской интеллектуальной тенденции, являвшейся не монолитным направлением, а подвижным историко-культурным пространством многих персоналий, идей и контекстов; не статичным, а коммуникативным процессом обогащения и обращения, восприятия и обмена.

К тематике истоков евразийской тенденции относят, как правило, весьма широкий круг представителей отечественной общественной мысли XIX – начала XX в. (Н.М. Карамзин, Ф.И. Тютчев, В.Ф. Одоевский, Н.Я. Данилевский, А.И. Герцен, Ф.М. Достоевский, Г.Н. Потанин, Ч.Ч. Валиханов, К.Н. Леонтьев, В.И. Ламанский, В.С. Соловьев, Д.И. Менделеев, И. Гаспринский, В.П. Семенов-Тянь-Шанский, В.В. Бартольд, А.Н. Букейханов, Э.Э. Ухтомский и др.). Как видим, этот круг включает интеллектуалов разного происхождения, общественно-научной и национально-культурной ориентации. Чтобы исследование ранней евразийской тенденции могло встать на прочную системную основу, данный спектр необходимо дифференцировать и контекстуализировать.

Одного традиционного собственно русско-славянского контекста недостаточно. Следует расширить исследовательский подход и обозначить в пространстве общей интеллектуальной истории России ряд интеллектуальных контекстов, в которых (синхронно и диахронно) шли процессы генерации, накопления и обогащения явлений раннеевразийской тенденции. При том, интеллектуальные контексты должны быть соотносимыми по содержанию и значимости, а не качественно разнорядковыми. Чтобы избежать искусственного конструирования, следует учесть (с историко-культурной точки зрения), что содержание европейско-азиатских, западно-восточных, евразийских взаимоотношений и процессов на большом российском (и сопредельном) историческом пространстве неразрывно связано с масштабной славянской, тюркской и сибирской проблематикой. Исходя из сказанного, необходимо выделить следующие ключевые интеллектуальные контексты второй половины XIX – начала XX в. (в которых проявился процесс становления евразийской тенденции) – *славянский*, *туранский*, *сибирский*. При этом подчеркнем, – данные интеллектуальные контексты следует сгруппировать не только по происхождению их носителей, но с учетом содержательных, проблемных приоритетов, в них развиваемых.

Круг *славянского* интеллектуального контекста (относительно *туранского* и *сибирского*) на персональном уровне более известен, хотя и не без лагун. Например, в вопросах о «гурецких» компонентах раннеевразийских идей К.Н. Леонтьева или об эволюции раннеевразийских воззрений В.П. Семенова-Тянь-Шанского в связи со взглядами В.И. Ламанского. Что касается *туранского* и *сибирского* интеллектуальных контекстов, то здесь преобладают локальные, фрагментарные наблюдения. Понимая, что определение «точных» перечней в интеллектуальной

истории не всегда результативно, обозначим только ряд основных персоналий, свидетельствующих о многоаспектности проевразийского миропонимания: *туранский* контекст – Ч.Ч. Валиханов, И. Гаспринский, А.Н. Букейханов, Ю. Акчурин, *сибирский* контекст – Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев, И.И. Серебренников, Г.Д. Гребенщиков.

Характерной чертой обозначенных контекстов было то, что раннеевразийские интеллектуальные компоненты располагались в пространстве, соответственно, русско-славянской, тюрко-мусульманской и сибирско-азиатской проблематики. В каждом из трех историко-культурных контекстов по-своему (с учетом национальных, культурных и региональных приоритетов) раскрывались и интерпретировались европейско-азиатские сюжеты – концептуальные и конкретно-исторические, локальные и глобальные. Поэтому, на наш взгляд, важно сосредоточить внимание не только на выявлении идентичных тезисов у разных авторов, но прежде всего на вариативности, параллелизме и взаимодополняемости раннеевразийских взглядов. Так, заслуживает внимания раскрытие концепта «трех миров» не только у В.И. Ламанского, смотревшего с русско-славянской точки зрения, но и у И. Гаспринского, наблюдавшего мировые процессы с учетом тюрко-мусульманского фактора.

Указанные интеллектуальные (историко-культурные по содержанию) контексты – *славянский*, *туранский*, *сибирский* – соотносимы по эпохе, интеллектуальной глубине и широте, сопредельны и диффузивны по макрорегиональной принадлежности и проблемному наполнению, – все это и создает потенциальную возможность раскрыть объемную, репрезентативную и вариативную панораму ранней евразийской тенденции. Таким представляется новый концептуальный подход к актуальной проблематике происхождения евразийской тенденции в отечественной общественной мысли второй половины XIX – начала XX в.

В заключение отметим ряд моментов. В общем плане целесообразна консолидация теоретических и практических подходов, достижений и инструментария интеллектуальной истории и истории общественной мысли, выработанных в научном пространстве всеобщей и отечественной истории. При этом история общественной мысли входит в более широкое поле интеллектуальной истории в качестве одного из базовых предметов исследования. Расширение поля интеллектуальной истории логично выдвинуло на первый план фактор многообразных контекстов. Особенно важны для познания общественной мысли собственно интеллектуальные контексты – предшествующие, сопутствующие, последующие. С другой стороны, в изучении общественной мысли России наряду с традиционной направленной тематикой в последние годы происходит проблемно-ориентированный поворот. И здесь приоритетное значение имеет рассмотрение фундаментальных и сквозных «длинных линий». В частности, актуальной остается проблема историко-культурной идентичности и своеобразия большого российского исторического пространства – как пространства европейско-азиатского, западно-вос-

точного, славяно-тюркского. Осмысление в общественной мысли такого рода объемной и протяженной во времени проблемы с полным основанием может быть обозначено понятием «интеллектуальная тенденция», а именно – евразийская интеллектуальная тенденция.

Особенно значима для понимания эволюции российской общественной мысли реконструкция раннеевразийского этапа данной интеллектуальной тенденции, относящегося ко второй половине XIX – началу XX в. и весьма многообразного по своему персональному и концептуальному содержанию. Систематизация историко-культурного пространства данной эпохи позволяет консолидировать ключевые раннеевразийские интеллектуальные контексты – *славянский, туранский, сибирский*. Именно через анализ этих контекстов возможна полноценная и объемная реконструкция процесса становления евразийской тенденции и, тем самым, приближение к разрешению фундаментального вопроса об историческом своеобразии, идентичности и позиционировании исторического пространства, охватывающего российский и сопредельный мир.

Наконец, через указанные «длинные» контексты шло накопление и обогащение той интеллектуальной «критической массы», которая уже в эпоху военно-революционных катаклизмов середины 1910-х – начала 1920-х гг. обеспечила интеллектуальный прорыв, приведший к формированию классического евразийства.

Таким образом, ретроспективный, «нисходящий» (в традиционной интерпретации) вопрос об истоках евразийства следует переформатировать в «восходящей» оптике и поставить как проблему раннеевразийской интеллектуальной тенденции. Первые практические подступы к решению задачи уже предпринимаются³¹, теперь пришло время для общего обоснования данного подхода. Посильная попытка такого обоснования и предпринята в настоящей статье.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Антоненко С.Г. «Россия – мир миров» [Глава 2] // Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 3: Общественная мысль России второй четверти XIX – начала XX века / Отв. ред. В.В. Шелохаев. С. 39–94 [Antonenko S.G. «Rossiya – mir mirov»] [Glava 2] // Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 3: Obshchestvennaya mysl' Rossii vtoroi chetverti XIX – nachala XX veka / Отв. ред. V.V. Shelokhaev. С. 39–94].
- Березовая Л.Г. Россия и Запад [Глава 8] // Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 4: Общественная мысль Русского зарубежья / Отв. ред. В.В. Журавлев. С. 322–361 [Berezovaya L.G. Rossiya i Zapad] [Glava 8] // Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 4: Obshchestvennaya mysl' Russkogo zarubezh'ya / Отв. ред. V.V. Zhuravlev. С. 322–361].
- Воробьева О.В. Эпистемологические основания и стандарты научности в российских диссертационных исследованиях 1995–2015 гг. // Историки в поисках новых перспектив / Под общ. ред. З.А. Чеканцевой. М.: Аквилон, 2019. С. 206–273. [Vorob'eva O.V. Epistemologicheskie osnovaniya i standarty nauchnosti v rossiiskikh dissertatsionnykh issledovaniyakh 1995–2015 gg. // Istoriki v poiskakh novykh perspektiv / Pod obshchei redaktsiei Z.A. Chekantsevoi. M.: Akvilon, 2019. S. 206–273.].

³¹ Селиверстов 2021: 298–304.

- Герье В.И. Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. 807 с. [Ger'e V.I. Leibnits i ego vek. SPb.: Nauka, 2008. 807 s.].
- Горяев А.Т. Евразийская идея и проблема самоидентификации России: дис. ... д-ра филос. наук. Волгоград, 2003. 284 с. [Goryaev A.T. Evraziiskaya ideya i problema samoidentifikatsii Rossii: dis. ... d-ra filos. nauk. Volgograd, 2003. 284 s.].
- Данилевский И.Н. Введение // Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 1: Становление общественной мысли допетровской Руси / Отв. ред. И.Н. Данилевский. С. 6–50. [Danilevskii I.N. Vvedenie // Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 1: Stanovlenie obshchestvennoi mysli dopetrovskoi Rusi / Отв. red. I.N. Danilevskii. S. 6–50.].
- Ибраев М.У. Государственность в политическом учении евразийства (классическая традиция): дис. ... канд. полит. наук. М., 2016. 147 с. [Braev M.U. Gosudarstvennost v politicheskom uchenii evraziistva (klassicheskaya traditsiya): dis. kand. polit. nauk. M., 2016. 147 s.].
- Каменский А.Б. Введение // Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 2: Общественная мысль России XVIII – первой четверти XIX в. / Отв. ред. А.Б. Каменский. С. 6–14. [Kamenskii A.B. Vvedenie // Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 2: Obshchestvennaya mysl' Rossii XVIII – pervoi chetverti XIX v. / Отв. red. A.B. Kamenskii. S. 6–14.].
- Леонтьева О.Б. Интеллектуальная история России XIX – начала XX вв.: учеб. пособие. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. 428 с. [Leont'eva O.B. Intellektual'naya istoriya Rossii XIX – nachala XX vv.: ucheb. posobie. Samara: Izd-vo «Samsarskii universitet», 2012. 428 s.].
- Ливайн Дж. Интеллектуальная история как история // Диалог со временем. Вып. 14. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 37–51. [Livain Dzh. Intellektual'naya istoriya kak istoriya // Dialog so vremenem. Vyp. 14. M.: IVI RAN, 2005. S. 37–51.].
- Никитенко Е.В. Евразийство 1920-х гг.: история противостояния и сравнительный анализ идеологии и деятельности Пражского и Парижского (Клармарского) центров движения: дис. ... канд. ист. наук. Омск, 2011. 217 с. [Nikitenko E.V. Evraziistvo 1920-kh gg.: istoriya protivostoyaniya i sravnitel'nyi analiz ideologii i deyatel'nosti Prazhskogo i Parizhskogo (Klamarskogo) tsentrov dvizheniya: dis. ... kand. ist. nauk. Omsk, 2011. 217 s.].
- Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 4: Общественная мысль Русского зарубежья / Отв. ред. В.В. Журавлев. 567 с. [Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 4: Obshchestvennaya mysl' Russkogo zarubezh'ya / Отв. red. V.V. Zhuravlev. 567 s.].
- Опёнкин Л.А. Предисловие. Вехи становления предмета изучения общественной мысли // Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 1: Становление общественной мысли допетровской Руси / Отв. ред. И.Н. Данилевский С. 6–50 [Openkin L.A. Predislovie. Vekhi stanovleniya predmeta izucheniya obshchestvennoi mysli // Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 1: Stanovlenie obshchestvennoi mysli dopetrovskoi Rusi / Отв. red. I.N. Danilevskii S. 6–50.].
- Репина Л.П. Введение I. Интеллектуальная культура как предмет исследования // Иден и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2013. С. 7–19 [Repina L.P. Vvedenie I. Intellektual'naya kul'tura kak predmet issledovaniya // Idei i lyudi: intellektual'naya kul'tura Evropy v Novoe vremya / pod red. L.P. Repinoi. M.: Akvilon, 2013. S. 7–19].
- Репина Л.П. Интеллектуальная история на рубеже XX–XXI веков // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 12–22 [Repina L.P. Intellektual'naya istoriya na rubezhe XX–XXI vekov // Novaya i noveishaya istoriya. 2006. № 1. S. 12–22.].
- Репина Л.П. Контексты интеллектуальной истории // Диалог со временем. 2008. Вып. 25. С. 5–11 [Repina L.P. Konteksty intellektual'noi istorii // Dialog so vremenem. 2008. Vyp. 25. S. 5–11].
- Репина Л.П. Русская историческая школа пошла от христианства. 26 ноября 2018 г. // Научная Россия. [Repina L.P. Russkaya istoricheskaya shkola poshla ot khristianstva. 26 noyabrya 2018 g. // Nauchnaya Rossiya. URL: <https://scientificrussia.ru/partners/rossijskaya-akademiya-nauk/russkaya-istoricheskaya-shkola-shla-ot-hristianstva/>].

- Романова Е.А. Этнокультурная концепция основоположников евразийства: дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2007. 175 с. [Romanova E.A. Etnokulturnaya kontseptsiya osnovopolozhnikov evraziistva: dis. ... kand. filos. nauk. Barnaul, 2007. 175 s.]
- Селиверстов С.В. «Восточное соглашение» И. Гаспринского: становление раннеевразийского концепта (1880–1890-е годы) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2021. Т. 21. Вып. 3. С. 298–304. [Seliverstov S.V. «Vostochnoe soglaschenie» I. Gasprinskogo: stanovlenie ranneevraziiskogo kontsepta (1880–1890-e gody) // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 21. Vyp. 3. S. 298–304.]
- Селиверстов С.В. Истоки евразийства в представлениях российских эмигрантов 1920-х годов: интеллектуальная преемственность или ситуативная обусловленность? // Диалог со временем. 2009. Вып. 28. С. 91–102 [Seliverstov S.V. Istoki evraziistva v predstavleniyakh rossiiskikh emigrantov 1920-kh godov: intellektual'naya preemstvennost' ili situativnaya obuslovlennost'? // Dialog so vremenem. 2009. Vyp. 28. S. 91–102].
- Тимофеев Д.В. Методология «истории понятий» в контексте истории дореволюционной России: перспективы и принципы применения // Диалог со временем. 2015. Вып. 50. С. 116–138 [Timofeev D.V. Metodologiya «istoriya ponyatii» v kontekste istorii dorevolutsionnoi Rossii: perspektivy i printsipy primeneniya // Dialog so vremenem. 2015. Vyp. 50. S. 116–138].
- Тимофеев Д.В. Принципы инструментализации методологии «истории понятий» в исследованиях по истории общественного сознания России XVIII – первой четверти XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 436. С. 184–191. [Timofeev D.V. Printsipy instrumentalizatsii metodologii «istorii ponyatii» v issledovaniyakh po istorii obshchestvennogo soznaniya Rossii XVIII – pervoi chetverti XIX veka // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2018. № 436. S. 184–191.]
- Шелохаев В.В. Введение // Общественная мысль России с древнейших времен до середины XX века: в 4 т. М.: Политическая энциклопедия, 2020. Т. 3: Общественная мысль России второй четверти XIX – начала XX века / Отв. ред. В.В. Шелохаев. С. 6–10. [Shelokhaev V.V. Vvedenie // Obshchestvennaya mysl' Rossii s drevneishikh vremen do serediny XX veka: v 4 t. M.: Politicheskaya entsiklopediya, 2020. T. 3: Obshchestvennaya mysl' Rossii vtoroi chetverti XIX – nachala XX veka / Otv. red. V.V. Shelokhaev. S. 6–10].
- Chang Woei Ong. Intellectual Trends in Imperial China // Oxford Research Encyclopedia. Published online: 20 November 2017. <https://doi.org/10.1093/acrefore/9780190277727.013.197>
- Raaflaub K.A. Philosophy, Science, Politics: Herodotus and the Intellectual Trends of his Time // Brill's Companion to Herodotus. Leiden Boston: Brill, 2002. P. 149–186.
- Riasanovsky N.V. The Emergence of Eurasianism // California Slavic Studies. Berkeley and Los Angeles: University of California Press, 1967. Vol. 4. P. 39–72.

Селиверстов Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилева; профессор, Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан; seliverst.sv@googlemail.com

Social Thought as a Subject of Intellectual History: on studying the early Eurasian tendencies in the second half of the 19th - early 20th century

The article is devoted to the relationship between intellectual history and the history of social thought as areas and subjects of research (in a situation of trend towards contextualization and cognition of problematic “long lines”). The state of knowledge of the origins of the Eurasian intellectual tendency is considered (through the problem of identity and originality of the historical Russian and adjacent space) in Russian social thought in the second half of the 19th–early 20th cc. The question of the need to study the problem of the formation and development of the early Eurasian intellectual tendency, taken in three parallel contexts – Slavic, Turanian, Siberian, is raised and substantiated.

Keywords: *intellectual history, identity, European-Asian space, West, Russia, East, intellectual context, early Eurasian tendency*

Seliverstov Sergey, Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher, L.N. Gumilyov Eurasian National University; professor, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Kazakhstan; seliverst.sv@googlemail.com